

ПО ПОВОДУ УВОЛЬНЕНИЯ Г. КОНЮСА.

Мы получили отъ члена Дирекціи Московскаго Отдѣленія Императорскаго Музыкальнаго Общества М. Ф. Ушакова и отъ М. И. Чайковскаго слѣдующія письма:

I.

М. Г.—Прочитавъ въ № 272 *Московскихъ Вѣдомостей* письмо г. Смоленскаго по поводу увольненія Г. Э. Конюса изъ числа преподавателей Московской Консерваторіи, я имѣю честь просить васъ помѣстить на столбцахъ этой газеты слѣдующую замѣтку.

Дирекція Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества 28 минуваго сентября утвердила постановленіе отъ 4 сентября состоящаго при Московской Консерваторіи Художественнаго Совѣта объ увольненіи Г. Э. Конюса изъ числа преподавателей. Въ засѣданіи Дирекціи присутствовали: ея предсѣдатель (онъ же директоръ Консерваторіи) и четыре члена Дирекціи. Рѣшеніе Дирекціи постановлено большинствомъ трехъ голосовъ противъ двухъ (въ томъ числѣ моего).

Свой голосъ противъ увольненія Г. Э. Конюса я подалъ, вопервыхъ потому что въ рѣшеніи Художественнаго Совѣта участвовало менѣе двухъ третей членовъ его, какъ то требуется примѣчаніемъ къ § 32 Устава Консерваторіи, утвержденаго г. министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 мая 1878 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, а потому Дирекція не имѣла права это заключеніе Совѣта, какъ съ формальной стороны незаконное, полагать въ основу своего рѣшенія объ увольненіи г. Конюса; во вторыхъ, за отказомъ предсѣдательстваваго на засѣданіи Дирекціи 28 сентября директора Консерваторіи прочесть особое мнѣніе трехъ членовъ Художественнаго Совѣта въ протоколу его 4 сентября, по выслушаніи которыхъ гг. члены Дирекціи подавшіе голосъ за увольненіе Г. Э. Конюса легко можетъ быть поколебались бы произнести ему такой жестокой приговоръ, и втретихъ, за отсутствіемъ въ засѣданіяхъ Художественнаго Совѣта и Дирекціи указаній на неспособность Г. Э. Конюса продолжать преподаваніе въ Консерваторіи или вообще на какіе либо его проступки по службѣ, что единственно даетъ по закону право уволнять служащаго безъ прошенія, безъ объясненія причинъ.

А что касается композиторскаго и педагогическаго дарованія Г. Э. Конюса, то на это имѣются письменные отзывы выдающихся дѣятелей музыкальнаго міра, изъ которыхъ покойный П. И. Чайковскій предсказывалъ ему великую будущность.

Считаю не лишнимъ прибавить что рѣшеніе Дирекціи является запоздалымъ, такъ какъ Г. Э. Конюсъ еще съ начала сего учебнаго года устраненъ отъ преподаванія въ Консерваторіи распоряженіемъ директора, въ явное противорѣчіе съ параграфомъ 21 устава Консерваторіи.

Примите и пр.

М. УШАКОВЪ.

6 сѣтября 1899 г.

II.

Прочитавъ въ сегодняшнемъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* заявленіе преподавателя Консерваторіи Г. Э. Конюса объ обстоятельствахъ выхода его изъ этого учрежденія, я вспомнилъ что въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго брата моего Петра Ильича Чайковскаго, имѣется черновое письмо, которое онъ намѣревался помѣстить въ одной изъ московскихъ газетъ. Въ виду того что на имя г. Конюса въ послѣдніе дни особенно обращено вниманіе читающей публики, я подумалъ что вы, быть-можетъ, найдете не безынтереснымъ предать его гласности.

„Милостивый Государь.—Позвольте попросить васъ помѣстить на страницахъ газеты, въ которой я нѣ-

когда подвизался въ качествѣ музыкальнаго рецензента, нѣсколько строкъ неудержимо просящихся изъ-подъ пера моего:

„Вчера, 25 февраля, въ сферѣ московской музыки совершился фактъ, который мнѣ хочется отмѣтить какъ можно осязательнѣе. Въ концертѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества въ первый разъ была исполнена сюита *Изъ дѣтской жизни* соч. Г. Э. Конюса, молодого композитора и прежде уже заявившаго себя съ наилучшей стороны, но на этотъ разъ выказавшаго такую силу таланта, такую глубоко симпатичную и оригинальную творческую индивидуальность, такое рѣдкое сочетаніе богатой изобрѣтательности, искренности, теплоты, съ превосходною техникой, что этому молодому человѣку можно предсказать великую будущность. Пусть вашъ спеціальныи сотрудникъ подробно обсудитъ новое блестящее произведеніе русскаго московскаго музыканта,—я же ограничусь только выраженіемъ горячей благодарности высоко даровитому автору за минуты истиннаго восторга, испытанныя мною, какъ надѣюсь, и всѣми присутствовавшими

Моск. Вѣд. Москва 1899 2 октября

ственно даетъ по закону право увольнять служащаго безъ прошенія, безъ объясненія причинъ.

А что касается композиторскаго и педагогическаго дарованій Г. Э. Коноуса, то на это имѣются письменные отзывы выдающихся дѣятелей музыкальнаго міра, изъ которыхъ покойный П. И. Чайковскій предсказывалъ ему великую будущность.

Считаю не лишнимъ прибавить что рѣшеніе Дирекціи является запоздалымъ, такъ какъ Г. Э. Коноусъ еще съ начала сего учебнаго года устраненъ отъ преподаванія въ Консерваторіи распоряженіемъ директора, въ явное противорѣчіе съ параграфомъ 21 устава Консерваторіи.

Примите и пр.

М. УШАКОВЪ.

6 сѣтября 1899 г.

II.

Прочитавъ въ сегодняшнемъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* заявленіе преподавателя Консерваторіи Г. Э. Коноуса объ обстоятельствахъ выхода его изъ этого учрежденія, я вспомнилъ что въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго брата моего Петра Ильича Чайковскаго, имѣется черновое письмо, которое онъ намѣревался помѣстить въ одной изъ московскихъ газетъ. Въ виду того что на имя г. Коноуса въ послѣдніе дни особенно обращено вниманіе читающей публики, я подумалъ что вы, быть-можетъ, найдете не безынтереснымъ предать его гласности.

„Милостивый Государь.—Позвольте попросить васъ помѣстить на страницахъ газеты, въ которой я нѣ-

когда подвизался въ качествѣ музыкальнаго рецензента, нѣсколько строкъ неудержимо просящихся изъ-подъ пера моего:

„Вчера, 25 февраля, въ сферѣ московской музыки совершился фактъ, который мнѣ хочется отмѣтить какъ можно осязательнѣе. Въ концертѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества въ первый разъ была исполнена сюита *Изъ дѣтской жизни* соч. Г. Э. Коноуса, молодаго композитора и прежде уже заявившаго себя съ наилучшей стороны, но на этотъ разъ выказавшаго такую силу таланта, такую глубоко симпатичную и оригинальную творческую индивидуальность, такое рѣдкое сочетаніе богатой изобрѣтательности, искренности, теплоты, съ превосходною техникой, что этому молодому человѣку можно предсказать великую будущность. Пусть вашъ спеціальнѣйшій сотрудникъ подробно обсудитъ новое блестящее произведеніе русскаго московскаго музыканта, — я же ограничусь только выраженіемъ горячей благодарности высоко даровитому автору за минуты истиннаго восторга, испытаннаго мною, какъ надѣюсь, и всѣми присутствовавшими вчера на концертѣ, при слушаніи ряда прелестныхъ музыкальныхъ картинокъ, изъ которыхъ состоитъ его сюита.

„Дай Богъ, чтобы крупное дарованіе автора продолжало расти и развиваться, встрѣчая отъ всѣхъ, кому о томъ вѣдать и заботиться надлежитъ, поощреніе, поддержку и сочувствіе, столь необходимыя для успешной дѣятельности на нерѣдко тернистомъ поприщѣ композитора.

„П. Чайковскій.

„26 февраля, 1893. Москва.“

Заключительныя слова моего брата наводятъ на грустное раздумье. Онъ говоритъ о терніяхъ столь часто встрѣчающихся на пути композитора. Отъ подобныхъ страданій поприще Г. Э. Коноуса было въ замѣчательной степени свободно: дебюты его были блестящи и до настоящей минуты онъ не могъ жаловаться ни на холодность публики, ни на оппозицію между специалистами.

Терніи недостающія въ его композиторской карьерѣ обильно наполнили путь его служенія Консерваторіи и такимъ образомъ предсказаніе моего брата исполнилось въ смыслѣ равно неожиданномъ какъ для г. Коноуса, такъ и для всѣхъ русскихъ музыкантовъ.

Примите и пр.

М. ЧАЙКОВСКІЙ.

2 октября 1899 г., гор. Клязьма.